СТАРООБРЯДЕЦЪ

Газета для старообрядцев всех согласий

Декабрь ' 95

Год издания первый

Всем, кто желает познать свои корни, традиции и веру

Издание осуществлено по одобрению:

- **настоятеля о. Германа (Успенская церковь, Городец)**
- **наставника Евгения Кирилловича Зернова (Н. Новгород)**
- **наставника Петра Карповича Волкова (Н. Новгород)**

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- **Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия?** — *стр. 2*
- **Житие купца Бугрова** — *стр. 4*
- **Святые мощи на... дачном участке** — *стр. 7*
- **Новый центр поморцев в Н. Новгороде** — *стр. 8*

Вместо вступления

Кто сейчас не вопрошает: Россия, кто ты? Откуда вышла и куда грядешь? Где твои корни и в чем твоя вера? Сброшены цепи, растоптано иго, но вместо ликования... растерянность. Растерянность не от трудностей житейских, со временем преодолимых, а от отсутствия в народе идеалов, отсутствия цели. Что привело русский народ к роковому 1917 году и как впредь этого избежать?

И мудрейшие начинают понимать — к роковому году подвел роковой век, тоже XVII. Век, в котором была **уничтожена, оплевана, осмеяна русская национальная церковная традиция, вера отцов и дедов.** В большинстве своем русские люди были принуждены изменить Древлеправославию, а вместе с ним потерять свою самобытность и непобедимость врагом внутренним. «Знала же когда-то и Россия такие века в своей истории, когда общественным идеалом были не знатность, не богатство, не материальное преуспеяние, а святость образа жизни, — восклицает в конце XX века один великий русский писатель. — Россия тогда была напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига, еще одновременно отражая и неправые удары крестоносных мечей с Запада... Вера была объединяющей и крепящей силой нации».

Что такое по сути своей были «Никоновы реформы» и почему столь болезненной, если не сказать смертельной, раной они пронзили сердце Русской Церкви? Дореволюционная официально-церковная историческая наука силилась обосновать необходимость «церковных реформ» XVII века, при этом всячески подчеркивая несущественность внешнеобрядовой стороны этих реформ при сохранении неизменным богословно-догматического учения Церкви. Что на это ответить?

Относительно «необходимости» реформ достаточно ясно высказались те из профессоров новообрядческих же духовных академий, кто способен был мыслить честно и непредвзято. После исследований Каптерева и Голубинского уже никто из серьезных ученых не осмеливается защищать необходимость и полезность «Никоновских реформ». Почему же тогда по сей день массовыми тиражами переиздается именно та синодальная новообрядческая литература, где взгляд на «Никоновские реформы» изложен лицемерно и лживо?

Пора, наконец, задаться еще одним естественным вопросом: а что такое вообще «церковная реформа»? Не есть ли это что-то в основе своей противоречащее самому понятию Церкви, хранительницы Священного Предания и отеческих традиций. Конечно, с течением жизни постепенно меняются и внешние формы церковной жизни, но могут ли они меняться не постепенным отмиранием старого и заменой новым, а насилием, отторжением старого и глумлением над ним?

(Окончание на 2-й стр.)

На фото: наставник поморской общины (Тонкинский район)

Из старопечатного «Зборника духовныхъ стиховъ»

Аввакум в заточении в монастыре

Укрепи меня, о Боже,
На великую борьбу,
И пошли мне мощь Самсона,
Недостойному рабу.
Как в пустыне вопиющей,
Я на торжищах взывал,
И в палатах, и в лачугах,
Сильных мира обличал.
То не бесы мчатся с криком
Чрез болото и пустырь,
Чернецы везут расстригу
Аввакума в монастырь.
Привезли меня в Андроньев,
Тут и бросили в тюрьму,
Как скотину, без соломы,
Прямо в холод, смрад и тьму.
Из Москвы велят указом,
Чтоб на самый край земли
Аввакума протопопа
В ссылку вечную везли.
Десять тысяч верст в Сибири,
В тундрах, дебрях и лесах
Волочился я на дровнях,
На телегах и плотах.
Пять недель мы шли по Нерчи,
Пять недель все толстый лед.
Деток с рухлядью в обозе
Лошаденка чуть везет.
Протопопица, бывало,
Поскользнется, упадет.
«Протопоп ты горемычный,
Долго ль нам еще страдать?»
«Видно, матушка, до смерти!»
Тихо, с ласковым лицом,
«Что ж, Петрович, отвечает,
С Богом дальше побредем».
Смерть пришла. Сегодня утром
Пред народом поведут.
На костер меня, расстригу,
И с проклятьями сожгут.
Но звучит мне чей-то голос
И зовет он в тишине:
«Аввакумушка, мой бедный,
Ты устал, приди ко мне!»
Дай мне, Боже, хоть последний
Уголок в святом раю,
Только б видеть милых деток,
Видеть матушку мою.
Потрудился я для правды,
Не берег последних сил:
Тридцать лет, никониане,
Я жестоко вас бранил.
Если чем-нибудь обидел,
Вы простите дураку,
Ведь и мне пришлось немало
Натерпеться, старику.
Вы простите, не сердитесь,
Все мы братья во Христе,
И за всех нас, злых и добрых,
Умирал он на кресте.
Так возлюбим же друг друга,
Вот последний мой завет.
Все в любви, закон и вера.
Выше заповеди нет.

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Старообрядец» издавался в Нижнем Новгороде с 1906 по 1909 год. В 1909 году за напечатание иронического стиха, развенчивающего культ саровского «чудотворца», журнал был закрыт царскими властями, строго стоявшими, несмотря на объявленную в 1905 году религиозную свободу, за «официальную» никонианскую церковь. Но уже в следующем году в том же Нижнем стал выходить новый журнал под названием... «Старообрядцы» — по сути продолжение запрещенного журнала, который регулярно выпускался вплоть до «смутного» времени 1915 — 1917 гг. Эти издания помещали на своих страницах духовно-богословские и исторические материалы, хронику жизни современного старообрядчества «белокриницкого» толка.

В те же годы в Москве издавался журнал «Златоструй» «для старообрядцев всех согласий», который помимо общецерковных статей помещал хронику жизни старообрядцев, «приемлющих «австрийское священство», затем «приемлющих священство, переходящее от господствующей церкви», и, наконец, «не приемлющих священство» (беспоповцев), то есть всех старообрядческих согласий, существовавших в то время в России.

Не претендуя на звание наследника «Златоструя» и «Старообрядца» мы, тем не менее, желали бы следовать лучшим традициям этих двух изданий, адресуя нашу газету нижегородским старообрядцам всех толков, а именно приверженцам:

— Русской Православной Старообрядческой Церкви (бывшая «австрийская» вера или белокриницкая иерархия);

— Русской Древлеправославной Церкви (бывшие беглопоповцы или «бугровская» вера);

— Древлеправославной Поморской Церкви;

— Спасова толка или Нетовщины.

***

Редакция газеты надеется, что наше издание не только послужит целям просвещения, но и станет связующей нитью как между старообрядцами, входящими в различные общины, так и отдельными лицами старообрядческого вероисповедания.

Ставя перед собой задачу доставки этого и последующего номеров газеты в каждую общину или приход (как бы малочисленны они ни были), редакция просит сообщить нам о своем существовании и нуждах (богослужебная литература, кресты и т.п.) по нашему временному адресу: 603158, Нижний Новгород, проспект Кораблестроителей, дом 26, корпус 2, кв. 31, редакция газеты «Старообрядец».

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Русский православный человек в допетровское время был человеком глубоко религиозным. Эта религиозность буквально изумляла всех иноземцев, что они неизменно отмечали в своих путевых очерках. Весь быт, с раннего утра до позднего вечера, всякое сколько-нибудь значительное дело было сопряжено с молитвой. Внимание к благочестию, к устроению церковной жизни особенно усилилось, когда Московская Русь осталась единственным в мире православным государством (после захвата Константинополя турками). Тогда же напряженно пошла работа по правке богослужебных книг, исправлению ошибок (задолго до Никона), да только не по новопечатным униатским, а по древним рукописным текстам. Вместе с тем усиливалась и тревога — все чаще стали печататься книги с предсказаниями о грядущем антихристе и о признаках его (Книга о вере, Кирилова книга).

И вот грянул гром. Фактически вся русская церковная старина, древние обычаи и заветы объявлялись не просто ущербными, поврежденными, а и вовсе еретическими, подвергались проклятиям. Что должно было чувствовать сердце русского человека и могло ли оно избежать мысли о пришествии антихристовых времен, глядя на костры древних книг и икон, к которым вскоре добавились самые страшные на свете костры — сжигались люди.

Ныне всякий читатель легко может лично убедиться как в размахах «реформ», так и в их «целесообразности». Для этого достаточно сравнить любые наиболее употребительные молитвословия старообрядческие с новообрядческими. Найдется ли хоть одна молитва, нетронутая «реформаторами», или такая, которая стала лучше, яснее, понятнее? А если нет, тогда зачем все это было проделывать, произвольно меняя священные тексты?

Ответ ясен — чтобы в сердце ранить последнюю на земле Православную Церковь, которую не покорил еще враг внешний. Ведь при всей важности богословско-догматического учения Церкви, верующий человек живет еще и живым повседневным религиозным опытом. Весь ход «церковных реформ» резко менял этот опыт, менял религиозное мироощущение русского человека. И не просто менял, а менял в сторону обмирщения, **от духовного к душевному, от небесного к земному: от икон к картинам на библейские темы, от знаменного молитвенного унисонного пения к концертам религиозного содержания, от канонического соборного управления Церковью — сначала к единовластию патриарха, а затем к полному подчинению Церкви государству.**

И это было не просто обмирщение, а вновь, напомним, обмирщение, сопровождаемое издевательствами и проклятиями над отеческой традицией. Но и этого было мало. Всякий, несогласный с власть предержащими, подлежал отнюдь не только «увещаниям» в том виде, как тогда это понимали (плети, пытки, каторжные колодки), но и вовсе лишался права на жизнь. Указ царевны Софьи (1685 г.) повелевал «по троекратному у казни их (то есть староверов) допросу — жечь в срубе и пепел развевать». Запылали сотни костров, многие тысячи душ земному пристанищу предпочли небесное, но отеческому Древлеправославию не изменили.

Искренний и ревностный в вере христианин не мог тогда не понимать и умом и сердцем, что пришло время тяжких испытаний. Ревнители «древлего благочестия» потянулись в леса, на далекие окраины государства или вовсе на чужбину. Рыли землянки, устраивали кельи и пустыни. Непролазные дебри покрывались скитами и киновиями.

Бежали в одиночку, бежали семьями. Бежали убеленные сединой старцы и только вступающие еще в жизнь юноши. Бежали от наступления антихриста, спасая не тело свое, но душу. Все красоты мира меркли в глазах жаждущих спасения, вся их устремленность была к Господу и все их мысли сопрягались с молитвой.

Поведение тысяч и тысяч русских людей того времени кажется воспитанному в неверии и любви к земному современному человеку по меньшей мере странным и непонятным. И только верующий понимает — это было свидетельство великой и глубокой веры христианской Руси, веры подвижнической и благодатной.

Удалось ли огнем и орудиями пытки уничтожить на Руси Древлеправославие? Гонения давали ревнителям благочестия только новые духовные силы. Идеал Старой Веры не мерк в русском народе — всего лишь 12 относительно благополучных лет было отмеряно Староверию на родной земле (1905 — 1917), и за это время появились сотни новопостроенных храмов, часовен, открывались школы и училища, Старообрядческая народная академия... Но пришло время сбора урожая от ранее посеянного в сердце России антихристова семени. Семя дало плод в виде чудовищной и кощунственной идеи — построить на земле Царство Небесное. При этом все, что было построено раньше, должно было быть уничтожено вовсе, чтобы ничто народу не напоминало о прошлом.

Освященное кровью мучеников за правду Старой Веры, древнее русское Православие не погибло и не может погибнуть. Семена, посеянные в русские сердца святым апостолом Андреем Первозванным, а затем и святым равноапостольным князем Владимиром, всем сонмом святых, в Земле Русской просиявших, прочнее всех других насаждений, чужеродных и чужеземных.

Нельзя не видеть очевидного — время нанесло Староверию тяжелую рану. Были «уничтожены как класс» исконно русские промышленники, купцы, зажиточные крестьяне, все вместе составлявшие экономическую основу Древлеправославной Церкви. Заметно прервалась связь времен, почти утрачена историческая память. Многие выходцы из старообрядческих семей плохо знают свою историю: не понимают ни причин раскола, ни его значения.

Многие из нас не получили воспитания в молитве и благочестии. Но это не снимает с нас обязанности воспитать должным образом самих себя, детей своих. Одно же из начал благочестия, а вместе с тем и признак самого обычного благоразумия — знать и уважать свои корни, традиции, веру, обычаи.

Иоанн МИРОЛЮБОВ,
наставник Рижской поморской старообрядческой общины.

Церковная реформа XVII века:

Поместный собор Русской Православной Церкви 1971 г. торжественно постановил отменить клятвы (анафематствования), наложенные в XVII веке на старые обряды и на придерживающихся их. Старые русские обряды были признаны «спасительными и равночестными» новым. В докладе, зачитанном на Поместном соборе, Никонова реформа была охарактеризована как «крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности». Основания для замены двоеперстия на троеперстие объявлены более чем сомнительными.

Можно сказать, что исполнилось то, о чем писал в 1912 г. крупный церковный историк, профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев: «Осуждение Собором 1667 г. русского старого обряда было, как показывает более тщательное и беспристрастное исследование этого явления, сплошным недоразумением, ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотр всего этого дела и его исправление, в видах умиротворения и уничтожения вековой распри между старообрядцами и новообрядцами, чтобы русская Церковь по-прежнему стала единою, какою она была до патриаршества Никона».

Итак, если старые обряды равночестны новым, то прежде всего возникает вопрос: а была ли Никонова реформа нужна вообще? Ответ на него дал профессор Ленинградской духовной академии протоиерей Иоанн Белевцев в своем докладе на второй международной церковно-научной конференции, проходившей в Москве в мае 1987 г.: «Никонова реформа была «богословски не обоснованной и совершенно не нужной».

Церковный раскол XVII в., который, не боясь преувеличения, можно назвать великой национальной катастрофой, явился следствием реформы, которая, как теперь выяснилось, не была обоснована ни богословски, ни канонически и просто-напросто была «не нужна» Церкви. Но, в таком случае, кому же все-таки понадобилась эта реформа, каковы были ее истинные причины и цели, кто был ее подлинным творцом?

Широко распространено мнение, что реформа была вызвана необходимостью исправления многочисленных ошибок и описок, вкравшихся в богослужебные тексты с течением времени. Однако непредвзятое сравнение текстов предреформенных богослужебных книг (иосифовской печати) и послереформенных не оставляет сомнений в превосходстве именно старых книг: опечаток в них, пожалуй, меньше, чем в современных нам изданиях. Более того, это сравнение позволяет сделать как раз противоположные выводы. Послереформенные тексты значительно уступают в качестве старопечатным. В результате так называемой правки появилось огромное количество погрешностей разного рода — грамматических, лексических, исторических, даже догматических. (Сопоставление текстов приводится ниже). Так что, если ставилась цель — исправить ошибки в книгах старой печати, — вряд ли ее можно считать достигнутой.

Но была и иная цель. Достижение единообразия между русской и греческой церковной практикой. Причем за образец были взяты греки, что отмечено в докладе митрополита Никодима, зачитанном на Поместном соборе 1971 г. Цель эта диктовалась исключительно политическими соображениями.

Дело в том, что Алексей Михайлович первым из русских царей всерьез задумал воссесть на древний византийский престол, встать во главе всего православного мира.

Политическая наивность этих замыслов вполне соответствовала недалекости самого царя, которого с полным основанием можно назвать бедой не только России, но и вселенского православия.

Аввакум со свойственными ему точностью характеристики и образностью так скажет впоследствии о своем царе: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня, облетая по воздуху, яко пернат...»

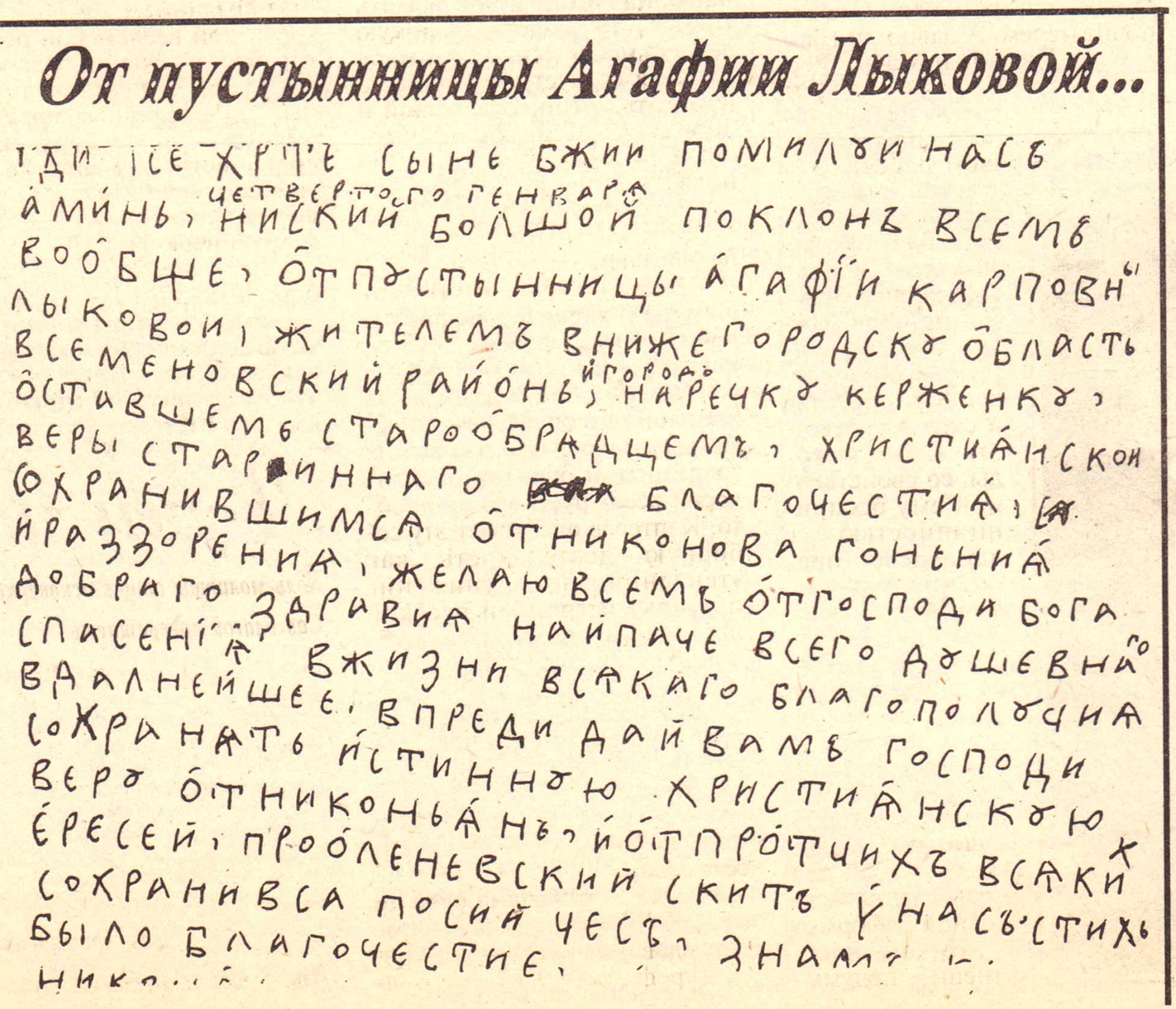
Реформа для достижения церковного единообразия по греческому образцу была для царя Алексея первой ступенью в осуществлении его глобальных политических замыслов — создание Великой греко-российской восточной империи.

На этой идее исключительного призвания русского царя и был воспитан Алексей Михайлович. Взойдя на престол, когда ему было всего 16 лет, он решил со всей юношеской прямолинейностью воскресить в своем лице образ древних византийских императоров. Но что это означало? Начать войну с гигантским Османским султанатом, раскинувшимся на полмира? Ранее к этому подталкивали и великого князя Василия III, и царя Ивана Грозного, но те были достаточно умными и искушенными политиками и

От пустынницы Агафии Лыковой...

«...Господи Исусе Христе Сыне Божии помилуй нас. Аминь. Письмо от Агафии Карповны Лыковой на Керженку речку. Посылаю по низкому поклону всем вообще и желаю от Господа Бога доброго здравия, наипаче всего душевного спасения, в жизни благополучия. Как теперь вы там живете? Есть ли теперь у вас древлеправославная истинная наша христианская вера? Осталось сколь древнего благочестия, или Никон все там благочестие разграбил и разгромил? У нас только стих про Керженку-речку сохранился: как они всех там разоряли христиан, всех пригоняли в свою новую веру, которая повела в пагубу вечную. Где могли только сохранили. Еще наши предки сохранились, и мы по них держимся истинного древнего благостия. Теперь жду вашего ответа».

Это письмо Агафия Карповна Лыкова, живущая ныне в одиночестве в глухом лесу в верховьях реки Абакан (Красноярский край), прислала в Нижегородскую область, воспользовавшись услугами нижегородских туристов, сплавлявшихся по этой таежной реке в 1993 году. Интерес пустынницы Агафии к нижегородской земле неслучаен. Ее предки жили на реке Керженец в знаменитом Оленевском скиту. О том, какими судьбами занесло их в Сибирь, Агафия рассказывает в своем следующем письме. Это письмо, а также рассказ о Агафии человека, гостившего у нее, читайте в следующем номере «Старообрядца».

ГДИ ІСЕ ХРТЪ СЫНЕ БЖИИ ПОМИЛУЙ НАСЪ
АМИНЬ, ЧЕТВЕРТОГО ГЕНВАРЯ НИСКИЙ БОЛШОЙ ПОКЛОНЪ ВСЕМЪ
ВООБЩЕ, ОТ ПУСТЫННИЦЫ АГАФІИ КАРПОВНЫ
ЛЫКОВОЙ, ЖИТЕЛЕМЪ ВНИЖЕГОРОДСКУ ОБЛАСТЬ
ВСЕМЕНОВСКИЙ РАЙОНЪ, ИГОРОДА НАРЕЧКУ КЕРЖЕНКУ,
ОСТАВШЕМЪ СТАРООБРАДЦЕМЪ, ХРИСТИАНСКОЙ
ВЕРЫ СТАРИННАГО БЛАГОЧЕСТИА,
СОХРАНИВШИМСА ОТНИКОНОВА ГОНЕНИА
И РАЗЗОРЕНИА, ЖЕЛАЮ ВСЕМЪ ОТГОСПОДИ БОГА
ДОБРАГО ЗДРАВИА НАИПАЧЕ ВСЕГО ДУШЕВНА
СПАСЕНІА, В ЖИЗНИ ВСЯКАГО БЛАГОПОЛУЧИА
В ДАЛНЕЙШЕЕ, ВПРЕДИ ДАЙ ВАМЪ ГОСПОДИ
СОХРАНАТЬ ИСТИННУЮ ХРИСТИАНСКУЮ
ВЕРУ ОТНИКОНЬАНЪ, И ОТ ПРОТИХЪ ВСЯКИХ
ЕРЕСЕЙ, ПРО ОЛЕНЕВСКИЙ СКИТЪ У НАСЪ СТИХЪ
СОХРАНИВСА ПОСИЙ ЧЕСЬ, ЗНАЛ...
БЫЛО БЛАГОЧЕСТИЕ,
НИКО...

трагическая ошибка или диверсия?

на провокацию не поддались. Война с турками в то время была бы политическим безумием.

Понятную заинтересованность в этом проявляли порабощенные греки. Но известно также, кому, кроме греков, хотелось втянуть русских в борьбу с турками: «угроза турецкого нашествия тревожила Западную Европу вплоть до поражения турок под стенами Вены в 1683 г.».

На уже упомянутой московской церковно-научной конференции по этому вопросу достаточно определенно высказался протоиерей Н. Новосад: «У папства в эту эпоху (XVI—XVII вв.) была давняя идея, которую папы желали внушить всей Европе: идея крестового похода для изгнания турок из Европы. Эту идею разделял и Стефан Баторий. План борьбы с турками одинаково старательно разрабатывался и в Риме, и в Польше. При этом полагали, что для достижения успеха необходимо привлечь и Москву в качестве орудия. Москве нужно было навязать царя-католика (так думали Стефан Баторий и Пассевино), чтобы окатоличить Москву и заручиться ее помощью».

Как видим, католицизм был весьма заинтересован в том, чтобы втянуть Россию в антитурецкую коалицию, и на протяжении длительного времени западные эмиссары упорно подталкивали русских к борьбе с турками.

И восточные иерархи постоянно увещевали царя Алексея Михайловича начать поход против турок с целью взятия Царьграда. Эти увещевания начались сразу после падения Византии, но особенно усилились во второй половине XVI в. Назаретский митрополит Гавриил даже сделал перевод на русский язык «Сказания о падении Царьграда», приурочив его к «юбилейному» 1653 г.

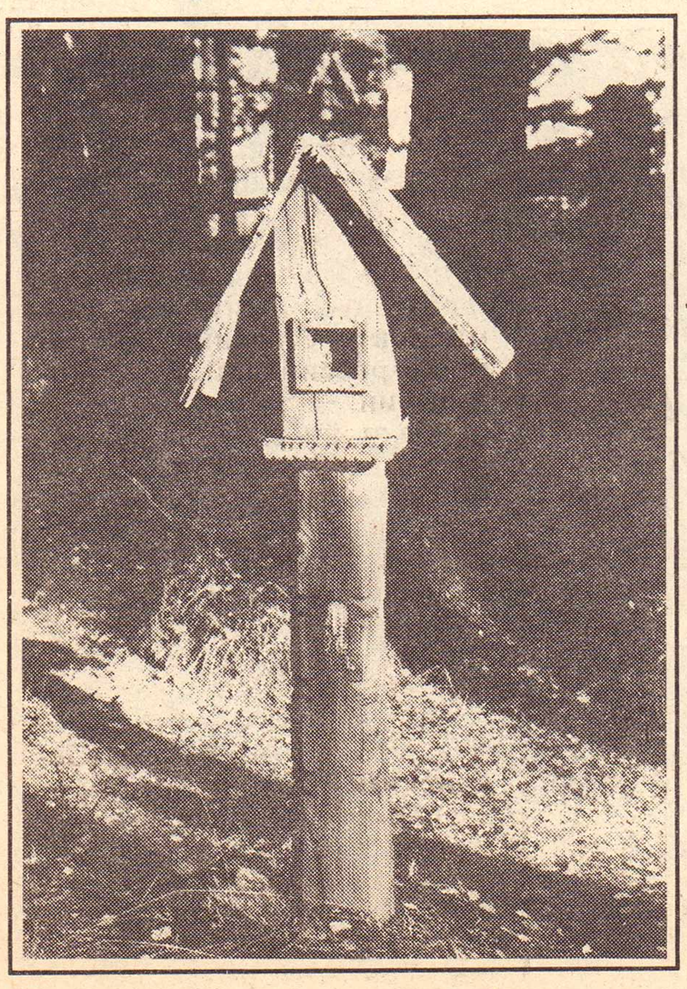
Иерусалимский патриарх Паисий в свой приезд в Москву убеждал царя Алексея заключить союз с гетманом Хмельницким, с мутьянским и волошским воеводами для общих действий против турок. Об этом же, провожая Арсения Суханова в 1649 г. из Ясс в Москву, Паисий велел напомнить царю, в грамоте же Алексею Михайловичу написал: «Пресвятая Троица... благополучно сподобит вас восприяти вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего, да освободит народы благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей».

Возможно, это, по сути дела, провокационное благословение и утвердило окончательно царя Алексея в намерении принять конкретные меры по проведению в жизнь «греческого проекта», первой стадией которого была церковная реформа по унификации русской и греческой церковно-богослужебных практик. Конечно, такого рода «пророчество», высказанное патриархом от имени самого Бога, могло соблазнить и не такого малоопытного человека, как царь Алексей.

Именно это — устранение «некоторой обособленности» русской Церкви в богослужебных обрядах — предлагает царю в качестве первого шага патриарх иерусалимский Паисий.

Искусные наставники внушили простовато-доверчивому царю Алексею, что искание царьградского престола — дело святое, даже жертвенное, к чему обязывает его христианский долг и призывает сам Бог. Недаром патриарх Паисий для вескости и начинает свое послание прямо от имени Святой Троицы. Цель была достигнута: «греческий проект» овладел всеми помыслами царя и его ближайшего окружения.

До своего патриаршества Никон, как и все русские в то время, весьма подозрительно относился к современным грекам, считая, что истинное благочестие сохранилось только у русских. Эти воззрения он, не скрывая, часто высказывал открыто и после переселения в Москву, когда сделался архимандритом. Однако став патриархом, Никон вдруг заявляет себя завзятым грекофилом; происходит крутой переворот — порицатель греков становится их поклонником и почитателем. А давно ли говаривал: «Гречане и Малые России потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой и честь тех прельстила, и своим нравом работают, а постоянства в них не объявилося и благочестия нимало». Войдя в ближайшее окружение царя, Никон был посвящен в тайну «греческого проекта» и сделал соответствующие выводы, со свойственной ему беспринципностью в одночасье превратившись из порицателя греков в их почитателя. Именно после этого он и ставится при активом содействии царя патриархом. Так был найден и подготовлен исполнитель будущей роковой для православия церковной реформы.

Никон, несомненно, подумывал в этой ситуации уже о вселенском патриаршестве и, зная его беспредельное честолюбие, можно заключить, что эта захватывающая дух перспектива явилась главным и решающим фактором в «созревании» его в известном направлении и превращении в завзятого грекофила. Показательно, что после своего недостойного и неумного демарша с демонстративным оставлением патриаршей кафедры («а как ты, царь, теперь без меня обойдешься?»), когда призрак византийского престола перестал тревожить воображение Никона, с него слетела также и маска напускного грекофильства, сменившаяся полнейшим равнодушием к собственной реформе, к книжным исправлениям. Более того, у себя в монастыре он печатает книги снова по старым образцам.

Смерть патриарха Иосифа развязала руки грекофильствующим поборникам реформы, и они развивают бурную деятельность. Став патриархом, Никон сразу начинает рьяно копировать греческую церковную практику. «Так и кажется, что Никон задался идеей сделать из Москвы вторую Византию». Действительно, он переносит на Русь греческие амвоны, греческий архиерейский посох, греческие клобуки и мантии, греческие церковные напевы, приглашает в Москву греческих живописцев, строит монастыри по образцу греческих, приближает к себе разных греков, всюду выдвигает на первый план греческий авторитет и т. п.

Оценивая, в частности, это слепое копирование греческого образца, о. Павел Флоренский в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» назвал деятельность патриарха Никона «реакционной и вообще антинациональной. Если сказать точнее, то реформаторскую деятельность Никона и царя Алексея следует прежде всего признать антиправославной и антицерковной. Антинациональной, антирусской она становится лишь вследствие органического единства всей русской жизни того времени и православия.

Особенно ярко антинациональный характер реформы проявился на Соборе 1667 г., когда по царской программе официально была развернута кампания по оплевыванию вековых православных русских традиций и обрядов, фактически всего русского прошлого. Каптерев оценивает эту соборную деятельность как «тенденциозное унижение пришлыми греками русской церковной старины, ее публичное тенденциозное поругание».

Вот где следует искать истоки современной нашей болезни поругания и забвения своего исторического прошлого! Недаром о. Павел Флоренский в одном из частных писем говорил, что «всемирная атмосфера испорчена едва ли не с XVII века». Тщательное исследование русской церковной реформы XVII в. полностью подтверждает эту догадку, ибо русская духовная катастрофа по своим последствиям имеет не только местный российский, но и глобальный характер.

На фото: уставщица поморской общины (Тонкинский район)

На Соборе 1667 г. царь передал все ведение дел в руки двух восточных патриархов — Паисия александрийского и Макария антиохийского, предварительно уверившись, что они будут проводить нужную ему линию. И патриархи, чувствуя момент, держат себя на соборе как авторитетные верховные судьи и безапелляционные вершители русских церковных дел.

Угождая царю Алексею и проводя нужную линию (собор по планам царя должен был окончательно утвердить реформу), восточные патриархи далеко зашли в своей деятельности. Собор под их руководством признал старый русский обряд еретическим и запретил его, а придерживающихся старого обряда отлучил от церкви и анафематствовал. Однако, как пишет Каптерев, «признанный ими еретическим обряд в действительности был созданием православной греческой вселенской церкви, и ранее, в течение целых столетий, он существовал у старых православных греков, и обвинять за него русских в еретичестве в существе дела значило обвинять в еретичестве старую греческую православную церковь».

Восточные иерархи на соборе широко и подробно пересмотрели всю вообще русскую церковную практику и вековые народные обычаи, чтобы осудить и уничтожить все, что отступало от тогдашней греческой практики. Все церковное древнерусское, даже одежда, заменялось современными греческими образцами, «яко бы было единомыслие и согласие во всем». Соборную деятельность восточных патриархов царь одобрил и щедро наградил их.

Показательно, что в 1666 г. царь специальным посланием просит прислать ему с Востока «Судебник» и «Чиновник всему царскому чину прежних царей греческих», которые ему, видимо, понадобились для практической подготовки к ожидаемой коронации на византийский престол. Здесь уже, вероятно, можно говорить не о политической наивности, а о слабоумии царя Алексея Михайловича, которым отмечена вся его деятельность, следствием чего были ко всему прочему «соляной» и «медный» бунты, и, наконец, один из первых безумных «проектов века» — церковная всеобъемлющая реформа для осуществления глобальных политических притязаний.

Царь Алексей был воспитан в пренебрежении ко всему отечественному и в преклонении перед всем зарубежным. О «чудесах западной культуры» у него было прямо фантастическое представление: он был убежден в почти всеобъемлющем могуществе мастера-иноземца. Эти качества, особенно пренебрежение к отечественной истории и культуре, еще в большей мере разовьются и проявятся у его сына, царя Петра I.

Борис КУТУЗОВ.

(Окончание в следующем номере).

Тучи над храмами

Коль молитвы отцов исковеркав,
Сад благой превращаешь
в пустырь —
Не спасет тебя «Новая Церковь».
И ни новый Устав и Псалтырь.
Не заменят нетленное Слово
Ни богатые ризы, ни трон...
Будет рушиться снова и снова
На песке воздвигаемый дом.
Образумься, очнись, патриарше!
Иль не видишь отеческих мук?
Разве станешь ты чище и краше,
Надевая эллинский клобук?
Разве станет российская вера
Чище этой лазурной реки,
Если роются в ней изуверы,
Отщепенцы и еретики?
Ни Господь, ни народная память
Не простят это тленье и прах.
Возгорится, извергнется пламя.
Образумься, очнись, патриарх!

Виталий ГРИХАНОВ.

БЛАГОТВОРИТЕЛИ БЫЛЫЕ...

Николай Александрович Бугров родился в Нижнем Новгороде в 1837 году, но детство свое провел в деревне Поповой. С отроческих лет он помогал отцу в его торгово-промышленных делах, постигал науку предпринимательства.

Унаследовав таланты деда и отца, Николай Александрович по размаху своей деятельности был куда более крупной фигурой, чем они.

Сразу после отмены крепостного права в 1861 году Николай Александрович с отцом выменяли у нижегородского предводителя дворянства Алексея Турчанинова лесное имение с мельницей на реке Сейма (ныне Володарск). Мельницы поставили новые, заменили паровыми двигателями. Вскоре общий помол достиг трех миллионов пудов (это почти 50 тыс. тонн!). Дело постоянно расширялось. В разгар его развития на сейминских мельницах работало 600 рабочих из окрестных деревень.

Помимо мельниц на Сейме, у него были мельницы в Семеновском уезде. Скупал и молол Бугров только рожь. О пшенице и слышать не хотел, приговаривая: «Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору».

Кроме мельниц у него было пароходство, флотилии барж. Располагал Бугров громадными земельными угодьями, лесными дачами стоимостью в миллион рублей. Владел жилыми домами и другой недвижимостью. Богат он был баснословно.

Личность Бугрова приковывала к себе внимание и жадный интерес нижегородцев. Особенно интересовала его личная жизнь. А жил он просто. Старообрядец поповского согласия, своим внешним видом напоминал тип ветхозаветного купца. Картуз на голове, подстриженной в кружок. Длиннополый сюртук, ярко начищенные сапоги «гармошкой». Черты лица, обрамленного серой, довольно редкой бородкой, расплывчаты.

Бугрова часто можно было видеть на торговых улицах города, идущего тяжелой походкой или едущего в экипаже, запряженном орловскими рысаками в яблоках с толстозадым кучером на козлах.

Дома его обслуживал всего лишь один слуга, деревенский парень по имени Роман.

Мебель в двухэтажном доме на Нижне-Волжской набережной была непритязательна. Комнаты, пропахшие ладаном и лампадным маслом, заполнены иконами без окладов и картинами религиозного содержания, среди которых главное место занимали изображения расколоучителей: Аввакума, Никиты Пустосвята, Ивана Неронова. Лишь парадная «зала» для приема гостей была устроена на мирской, «антихристов» лад.

Пищу Бугров употреблял самую простую: щи и каша, в постные дни горох и грибы. Не курил. Очень любил крепкий, ароматный чай. За пределами дома, в гостях или деловых поездках «скоромился».

К спиртному относился отрицательно, если выпивал, то не на людях, немного хорошего вина.

В семейной жизни был несчастлив. Женился трижды и всех жен похоронил.

С первой женой Евдокией (урожденной Рыбаковой) жил 7 лет, но она в 26-летнем возрасте умерла в 1865 году. В 1870 году после трехлетнего супружества в двадцатитрехлетнем возрасте умерла вторая — Федосья Кутакова. С третьей женой, из московского рода Шепелевых, он прожил только год с небольшим. Она тоже умерла. Умерли во младенчестве и все дети, которых было трое: Александра от первой жены, Анна и Елизавета — от второй.

Оставшись молодым и бездетным вдовцом (ему не было сорока), Николай Александрович зажил бобылем, так как жениться в четвертый раз по российским законам было нельзя.

Свои торгово-промышленные дела Бугров вел необычно, никакого штата служащих для этой цели у него не было. Обладая феноменальной памятью, Бугров помнил все, что было необходимо на этот счет. Поддавшись уговорам нижегородских купцов, Бугров завел контору, солидно обставил ее, нанял бухгалтера из Москвы, но тот через несколько месяцев сбежал, так как делать ему было абсолютно нечего, а получать деньги даром он не хотел.

Бугрова знали не только в Н. Новгороде и Поволжье. Он часто ездил в Петербург и Москву. Везде имел знакомства среди влиятельных людей. В качестве почетного гостя Николай Александрович присутствовал на свадьбе сестры царя Александра III Ксении с великим князем Александром Михайловичем.

Был на свадьбе Алисы с императором Николаем II, с которым впоследствии встречался еще не раз и о котором был невысокого мнения, говоря: «...Не горяч уголек. Десяток слов скажет — семь не нужны, а три не его. Отец тоже не великого ума был, а все-таки мужик солидный, крепкого запаха. Хозяин! А этот ласков, глаза бабьи...»

Нижегородскому губернатору Баранову он говорил «ты». Да разве мог губернатор тягаться с Бугровым, когда на приемах у министра внутренних дел приглашали сначала Бугрова, а уже потом губернатора? И что мог сделать губернатор Бугрову, когда погряз у него в долгах. Перед уходом губернатора с поста Бугров решил преподнести ему подарок. На серебряном блюде он поднес груду разорванных в клочья губернаторских векселей со словами: «Чтобы вашему превосходительству хорошо спалось по ночам».

Всесилен Бугров.

Однажды один из переулков Нижнего базара (ул. Маяковского) оказался забитым подводами с хлебом. Проезжавший по Нижнему базару вновь назначенный полицмейстер, увидя это, приказал немедленно убрать их. Ему ответили, что это, мол, подводы-то самого Бугрова Николая Александровича. А полицмейстер рассвирепел и требует свое. Нашли Бугрова. Он явился спокойный, важный. Встал против полицмейстера и после долгого молчания, исподлобья глядя на него, спросил:

— Шумишь, ваше благородие? Хлеб, говоришь, убрать?.. — И, почесав подбородок, махнул рукой, добавив к сказанному:

— Эх, барин, да мне тебя куда легче убрать, нежели эти подводы.

Затем повернулся и так же спокойно и важно ушел.

Через три дня полицмейстера убрали из города.

Бугров «запросто» при встречах с Витте хлопал его по животу. Рассердившись, топая ногой, кричал на министра двора Воронцова. К нему был расположен всесильный обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, главный вдохновитель преследования старообрядцев. Если держались старообрядческие скиты Заволжья, то исключительно благодаря Бугрову.

Некоторые авторы очерков о Бугрове рисуют его крохоборством, пытаются убедить читателя, что вся его скромная жизнь была следствием жадности, скаредности.

Нет, это ложь. Не был он таким. Постоянно приумножая свои миллионы, он часть доходов тратил на благотворительность, то есть на творение блага, добра людям, среди которых он жил. Тратил широко, открыто, не преследуя никаких корыстных замыслов, как зачастую делают это ныне всякие там «спонсоры» и им подобные — шума создают много, а результаты мизерные.

Именно эта деятельность создала ему громадную популярность, как у людей старой православной веры, которую он исповедовал, так и вообще в Н. Новгороде и за его пределами.

В чем же она заключалась?

В 1876 году городская Дума решила сделать в Н. Новгороде водопровод на 200 тысяч ведер подачи воды в сутки. Прежний давал только 40 тысяч. На расходы по устройству водопровода требовалось 450 тысяч рублей. (Это в исчислении тех лет). А денег у города нет. Тогда Бугров, скооперировавшись с тремя братьями Блиновыми и Курбатовым, дал Думе 325 тысяч, причем львиная доля этих денег была бугровской. Водопровод был построен с ранее выговоренным у городских властей условием, чтобы вода жителям Н. Новгорода отпускалась бесплатно. За деньги ее отпускали только торгово-промышленным предприятиям.

В 1890 году Бугров в память отца построил ночной приют, «ночлежку», а говоря современным языком, бесплатную гостиницу для бедных. Для поддержания функционирования приюта был ассигнован необходимый капитал в сумме 30 000 рублей. На эти деньги на Зеленском съезде, где сейчас кафе «Скоба», был построен красивый торговый комплекс, доход от сдачи которого в аренду покрывал все расходы на содержание «ночлежки». Красное кирпичное здание ее в начале Ивановского съезда Кремля сохранилось до сих пор.

Одновременно в приюте могло переночевать до 900 человек. В ноябре 1901 года «Нижегородский листок» сообщил данные о количестве нашедших пристанище в «ночлежке». За 1900 год их оказалось 369 тысяч 729 человек. В среднем более тысячи за ночь, то есть несколько более расчетной нормы. Уже с раннего вечера тянулись к приюту «бывшие» люди, герои повестей Горького. И все они беспрепятственно получали у Бугрова ночлег и кусок хлеба. Между прочим, находил кров в этом доме и сам А. М. Горький. Согласно уставу туда допускались люди всех сословий, мужчины и женщины, дети, подростки и дети малолетние. Паспортов там не спрашивали. Тем самым Бугров хоть на ночь раскрепощал русского человека, про которого сложилась поговорка, что он состоит из тела, души и паспорта. В нетрезвом виде в дом не пускали, брать туда спиртное не разрешалось. Запрещалось курение табака, игра в карты, буйство, сквернословие и пение. Замеченные в этом останавливались надзирателями, а при непослушании выселялись из дома во всякое время.

Рано утром дом пустел для уборки и санитарной обработки. Вечером вновь заполнялся до передела.

В 1887 году Бугров совместно со своими свойственниками купцами Блиновыми, за одним из которых была замужем сестра Бугрова Енафа, выстроил так называемый «вдовий дом» (ныне общежитие политехнического института на площади Лядова) и передал его городу. В доме имелось 160 квартир, предназначавшихся для неимущих вдов с детьми (не менее двух и возрастом не старше 12 лет).

В 1894 году им была построена в деревне Филипповское Семеновского уезда богадельня (дом для престарелых и инвалидов). Ее существование было обеспечено банковским вкладом в сумме 80 тысяч рублей. В настоящее время в этом здании санаторий.

В деревне Поповой на средства Бугрова были пос-

троены молитвенный дом, стены которого были расписаны превосходной живописью, каменные двухэтажные, прекрасной архитектуры здания школы, общежития для учащихся и моленной.

В Малиновском скиту, рядом с деревней Филипповское, построена прекрасная церковь.

Строил и дарил обществу Бугров церкви, школы, богадельни, санатории в Городце, Саратове, Ессентуках. Помогал А. М. Горькому с содержанием чайной «Столбы» на Нижнем базаре для босяков.

Безвозмездно выдавал пособия погорельцам (дальним 5 рублей, ближним строил избу, дарил корову или лошадь). Обеспечивал пожизненно пенсией своих служащих и рабочих в случае их добросовестного отношения к труду или полученного на работе увечья.

Уже на смертном одре Николай Александрович пожертвовал крестьянам Пурехской волости Балахнинского уезда тысячу десятин земли и семь тысяч крестьянам других уездов.

Нижегородской старообрядческой общине оставил в центре города 1000 кв. сажен усадебной земли. Семеновскому земству подарил громадную лесную дачу стоимостью в миллион рублей с условием оказания помощи за счет этой дачи бедствующим крестьянам.

В кратком биографическом очерке невозможно перечислить всего того доброго, что сделал Бугров в течение своей жизни.

Утверждают, что он раздал только милостыни деньгами до 10 миллионов рублей.

Предусматривая, что товарищество паровых мельниц может быть после его смерти ликвидировано, Бугров завещал создать в этом случае полуторамиллионный постоянный фонд в банке, проценты с которого должны были распределиться так: 10 в пользу Н. Новгорода, 45 в пользу благотворительных учреждений и 45 бедным и пострадавшим от пожаров крестьянам.

Давал Бугров деньги и на большевистскую пропаганду — «на листочки», как говаривал он. Хотя, по его признанию, эти листочки против него. По свидетельству А. М. Горького, Бугров понимал трудную жизнь рабочих и их мечту о хорошей жизни.

О людях из народа Бугров отзывался с теплотой. Он считал главным в человеке — его отношение к труду. Любит труд, умеет работать — годен, не любит, не умеет — прочь его.

19 апреля (2 мая по новому стилю) его хоронили на старообрядческом кладбище при многочисленном стечении народа.

Это кладбище не надо путать с тем, которое теперь ошибочно называют «бугровским». Так называемое «бугровское» кладбище находится рядом. А точнее, напротив того, где похоронен Бугров.

В наше время на месте старообрядческого кладбища со склепом Н. А. Бугрова стоят жилые дома из силикатного кирпича, унылые и тоскливые. О кладбище напоминает только его угловая башня и несколько метров узорной каменной ограды по улице Пушкина. Все строения кладбища, каменная и деревянная церкви с колокольнею, моленная, дома для священников, причта, инокинь и могилы, в том числе склеп с прахом Николая Александровича и его отца, варварски уничтожены.

Все предано забвению. Со зла ли, по недомыслию ли?

В. ПИШКИН.

Фото М. Дмитриева. Из фонда Государственного архива Нижегородской области.

Из пролога к поэме о протопопе Аввакуме

Я листаю страницы... Далекая жизнь
Удивительна мне и чудна!
В ней меняется многое, катится вниз.
Только Вера, как прежде, одна.
В ней меняются царства, тем паче—цари,
Одежда, привычки, манеры.
Изменилось уменье любить, говорить.
Изменяется все, кроме Веры!
Только Церковь... Как прежде лампады горят,
Те же книги и те же иконы.
Как и прежде идет православный обряд,
То же пенье и те же законы.
Та же служба идет от десятого века.
И все те ж в алтаре образа.
И вдруг, будто Спасителя дернулось веко...
На иконе как-будто слеза...
Будто вспыхнула вдруг и погасла зарница...
И как-будто туман над разливами рек.
Я смотрю и смотрю на седую страницу,
На которой семнадцатый век.
И я слышу, как-будто: «Вчитайся и вникни!»
И я вижу высокий глухой частокол.
Вся страница заполнена именем «Никон».
И висит топором одно слово — «Раскол».
Семнадцатый век... Будто с берега, с кручи
В яму грязную вниз головой
Я лечу, и голос мне слышен скрипучий.
И я вижу кулак волосатый, сухой...
И перстень с топазом на пальце корявом.
И палец на книгах — святая святых.
Захочет — изменит, захочет — исправит,
Строку зачеркнет, переделает стих...
Захочет — и станут другими молитвы.
Захочет — и хор замолчит, как стена...
Ему наплевать на страданья и битвы.
Он — власть. Он — закон. Патриарх-сатана.
Семнадцатый век. Непонятно до боли.
Смотрю и смотрю в этот сумрачный век.
Как смог?! Как посмел на Всевышнюю Волю
Рукой замахнуться один человек?!
И вижу, как плечи народ подогнул,
Как Руси задрожала громада...
А в том вон окошке светильник мигнул...
Мигнул. И погасла лампада.
Воля! Воля! Слово-то какое!
Нет, не песня... лучше... И нельзя сказать
Словно небо ярко-голубое,
Словно русские, бездонные глаза.
Век семнадцатый! Для воли нужно слово.
(Чай, язык-то к небу не прилип!)
Будешь жить на воле, только верь по-новому,
Да молись, как Никон повелит.
Ну, а против будешь — схватят словно рыбу,
На крючок — и к мастеру заплечных дел.
Ну, а там — не обессудьте — клещи, дыба.
Очень уж безрадостный удел!
И стала смута колесить, несет ее нелегкая.
Вдоль по матушке-Руси, вдоль и поперек ее.
Блестит фальшивым пятачком, катит по дороге.
У безвольных дурачков подсекает ноги.
Бьет клюкой то тут, то там.
Больно бьет, с упрямством.
И становится вдруг храм
Сплошь никонианским.
И становится вдруг церковь
Под пятой у Никона.
Коготь впился в нее цепок,
И помочь ей некому.
Не поймет народ несчастный
И ушам не верит —
Стала церковь лавкой частной
Патриарха-зверя.
Задумались купцы... Поглаживают бороду...
Магазин закроют ведь. И вылетел в трубу!
Закуют ведь в цепи! Повезут по городу...
А потом в подвале на дыбу...
Чай, не разразит Всевышний меня громом,
Если вместо двух — сложу я три перста...
Если петь молитвы стану по-другому.
По-другому стану чествовать Христа.
Ведь не выдержу в темнице я и суток —
Будет огонек в углу мерцать.
И сильнее забурлила смута.
Била наповал по мыслям и сердцам.
Лезла в душу, пасть свою осклабив.
Грызла и колола, как могла.
Соблазняла жадных и валила слабых,
Трусов добивала с под угла.
Дым клубился. Пахло тлей и серой...
Бочкою пустою под уклон
Падали, катались маловеры
Никону в предательский поклон.
Бегали, как зайцы, прячась куце.
Подтирали пятна и плевки.
Лучше дома чай хлебать из блюдца,
Чем в мороз на Север в Соловки.
Лучше на печи, чем на Печоре,
Жена да самовар, чем на костре до тла.
Назову уж лучше белое я черным,
Лишь бы горница была светла.
Русь моя! Что с тобой приключилось?!
Неужели Господь наказал?
Неужели убавились силы
Против силы бесправья и зла?
Неужели померкло сиянье
Твоей Веры, твоей правоты?
Неужели сдались россияне?
Русь моя, это ты, иль не ты?
Шесть веков ты несла свою Веру,
Отвергая соблазны и лесть,
И вот, словно чума и холера,
На тебя навалилась болезнь.
Навалилась и к стене приперла.
И алтарь твой огнем обожжен.
Навалилась, и с ножиком к горлу.
Еще шаг — и по горлу ножом!
Русь моя! Нет уже оправдания!
Бес допущен под своды церквей.
Слышишь звон колокольный — рыдание
Затихает под звоном цепей.
Век семнадцатый — век непонятный.
Отзвук твой до сих пор не утих.
Проступают кровавые пятна
На страницах, на годах твоих.
Век семнадцатый — горький и страшный.
Сколько сгинуло... Выслано сколь...
Дьявол черными крыльями машет —
И звенит звонкой сталью раскол.
Его слышат байкальские воды,
И печорская голая тишь,
Где лишь месяц на небе холодном
Висит, как стрелецкий бердыш.
Его знают калмыцкие степи,
И даурская знает земля.
Век семнадцатый - ловчие сети.
Век семнадцатый - цепь и петля.

Виталий ГРИХАНОВ.

...И БЛАГОТВОРИТЕЛИ НЫНЕШНИЕ

Старый, ветхий дом рядом с устремленным в небо «бастионом» областного УВД казался жалкой лачугой. Судьба старого дома круто переменилась в тот момент, когда он вместе с близлежащей церковью Трех Святителей был передан нижегородской поморской общине. Так как реконструкция храма требует значительного времени, старообрядцы приняли решение приспособить под моленную этот небольшой дом.

Буквально за несколько месяцев дом преобразился и ныне его не узнать: крыша из оцинкованного железа, стены обшиты деревянными брусьями. Кипит работа и внутри — заканчиваются отделочные работы, реконструируются коммуникации.

Жизнь вернулась в старый дом, и произошло это благодаря усилиям Вячеслава Алексеевича Растеряева, человека, которому отнюдь не безразлична судьба древлеправославия на нижегородской земле и который оказывает поморской общине всяческую поддержку, за что нижегородские старообрядцы выражают Вячеславу Алексеевичу глубокую благодарность.

Перед поморской общиной ныне стоит задача по восстановлению своего храма, который сейчас находится в весьма плачевном состоянии. И в этом деле Вячеслав Растеряев обязался помочь — провести в полном объеме все восстановительные работы по церкви Трех Святителей, которая, как нам верится, в недалеком будущем украсит собой центр нашего древнего города.

Кандидат на пост губернатора Нижегородской области
Вячеслав Алексеевич РАСТЕРЯЕВ

Ему 45 лет, имеет крепкую семью, воспитывает двоих детей и внучку. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Работал бригадиром, мастером, инженером, начальником монтажного управления, первым заместителем председателя Нижегородского горисполкома. В настоящее время возглавляет крупную строительную организацию — акционерное общество «Нижегородский дом», основной деятельностью которого является строительство жилья, разработка и внедрение новой техники, развитие отечественного производства. При этом оказывается постоянная поддержка больницам, школам, ветеранам и инвалидам. Являясь депутатом городской Думы, много делает в интересах нижегородцев. Примером тому является разработка и реализация программы расселения жителей ветхого фонда.

Вячеславу Растеряеву некогда потешать публику игрой в теннис. Он считает, что жители Нижегородской области достойны лучшей участи, чем быть нищими зрителями пирушек московских и зарубежных гостей.

Скоро нам предстоит выбирать, кому доверить судьбу области, а значит, и нашу с вами судьбу. Кто нам нужен? Блестящий игрок, умеющий позировать перед телекамерами, модный политик, основной задачей которого является провозглашение все новых и новых инициатив, предложенных Западом, или человек с глубокими русскими корнями, строгий, рачительный хозяин, умеющий делать лучше, чем говорить?

Вспомним наших отцов и дедов, их добрые лица и натруженные руки и сделаем верный выбор 17 декабря 1995 года.

Из жизни старообрядцев Русской Православной Старообрядческой Церкви

Престольный праздник в селе Чернуха

Десятого ноября в день святой мученицы Парасковии Пятницы в старообрядческом храме села Чернуха Арзамасского района состоялась торжественная служба. При большом стечении народа, собравшегося из самого села, окрестных селений и более удаленных мест (Коваксы, Арзамаса, Красного Бора). Настоятель церкви отец Алексей (Думнов) с помощью приехавшего из Москвы настоятеля кафедрального Покровского собора отца Леонида отслужил божественную литургию. Отец Леонид прочел собравшимся проповедь о житие Парасковии Пятницы. После литургии был совершен молебен с водосвятием.

Село Чернуха — давний оплот старообрядчества. До событий 1917 года почти все чернухинцы были приверженцами древлего благочестия. В 1911 году в селе насчитывалось 2240 староверов. И ныне Чернухинский приход является одним из крупнейших приходов старообрядческой церкви в Нижегородской области. С 1993 года настоятелем храма служит о. Алексей. И дед его (мученически погибший в 1937 году), и отец были старообрядческими священниками, а сейчас пришла пора младшему поколению рода Думновых заботиться о сохранении и приумножении нашей старой православной веры в арзамасских пределах.

На фото: отец Алексей с прихожанами. Снимок сделан 19 ноября 1995 года.

Сергей РУДАКОВ.

Малиновский скит

С незапамятных времен, чуть ли не с самого раскола нашей церкви, существовало иноческое поселение на Малиновой, что возле современной деревни Филипповское Борского района. Возвышенная грива, поросшая сосной, посреди низкой, болотистой долины реки Линды, издавна манила к себе насельников своею уединенностью. Во время разлива Линды превращалась грива в недоступный остров.

Малиновский скит, как и прочие заволжские оплоты древлего благочестия, был стерт с лица земли во времена «питиримового озлобления» в начале XVIII века, но затем возродился и к концу XIX века являл собою «резкую противоположность с остальными скитами нижегородского Заволжья», так как отличался образцовым порядком и устройством. Этому во многом способствовало покровительство купцов Макария Блинова и его зятя Николая Бугрова. В скиту жили более 100 человек, как пожилых иноки-нь, так и молодых послушниц. Благодаря неутомимой энергии Н. А. Бугрова в 1911 году на территории скита была построена пятиглавая церковь с шатровой колокольней. Церковь эта, сохранившаяся до наших дней, имеет неповторимый облик: красно-кирпичные стены с оштукатуренными белыми деталями, полихромные изразцы, тонкие металлические переплеты окон с встроенными цветными стеклами, высокохудожественная роспись на стенах.

Малиновский скит просуществовал до середины 20-х годов, после чего строения были проданы с торгов. А вскоре и скит, и церковь подверглись полному разгрому со стороны властей.

Еще долгое время не прекращал биться пульс церковной жизни, долгое время в разграбленном храме тайком, при закрытых дверях и ставнях собирались люди для молитвы. Но время неумолимо, и мало осталось ныне в окрестностях Малиновки людей, приверженных церковному благочестию.

В 1993 году в престольный праздник Казанской Богородицы священноиерей Никола при большом стечении народа освятил храм. С тех пор в нем лишь трижды звучали молитвы и шла церковная служба. Услышим ли мы когда-либо вновь на закате дня малиновый звон колоколов над Малиновским скитом, над расположенным рядом старообрядческим кладбищем, окрестными деревнями и тихой долиной Линды?

Сергей АНТОНОВ.

Из жизни Русской Древлеправославной Церкви

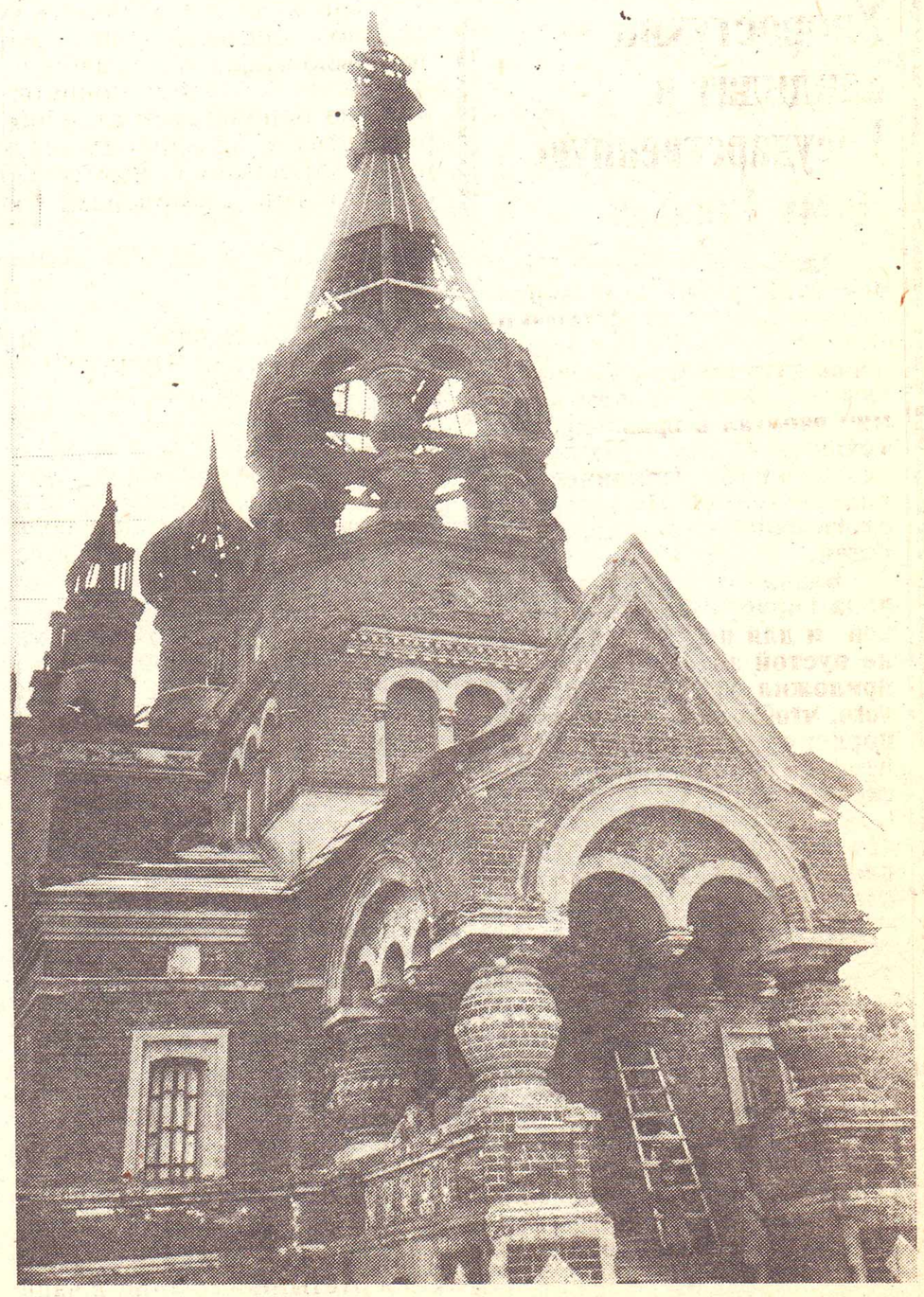
Городецкий храм

Духовные наследники знаменитой по всей России городецкой часовни заканчивают восстановление своего храма. Еще несколько лет назад в здании бывшей старообрядческой церкви находились производственные мастерские. Но в конце 1992 — начале 1993 года церковь, расположенная на крутом берегу Волги, откуда открывается прекрасный вид на заволжские дали, была передана древлеправославным христианам. За короткий промежуток времени здание преобразилось, ничто уже не напоминает о конторском прошлом: помещение полностью отремонтировано, установлено отопление, устроен алтарь, подвешено паникадило, а прекрасные «царские врата» украшают заполненный образами иконостас. На крыше храма почти закончено сооружение купола. Это преображение произошло благодаря хлопотам настоятеля храма отца Германа, казначея Павлы Ананьевны, многих других прихожан — жителей Городца и городецких деревень, Ковернина, Заволжья, Чкаловска. Помогали святому делу и некоторые городецкие и заволжские предприятия.

Ныне на праздники сходятся в церковь более 100 человек, а слава о возрожденном древлеправославном храме разлетается все дальше, привлекая все новых прихожан, долгие годы мечтавших о возвращении соборной церковной службы...

Федор СМЕТАНИН.

Из жизни старообрядцев Спасова согласия (Нетовщины)

Краткая история Балахнинско-Сормовского прихода христиан Спасова согласия

Крепка и многолюдна была моленная старообрядцев Спасова толка в Балахне. Отовсюду стекались сюда спасовцы Большого начала, чтобы соборне помолиться Богу. «Держала» моленную Мария Васильевна Краснощекова, перебравшаяся в Балахну из заволжских лесов в те злые годы, когда стали местные ковернинские власти преследовать верующих, разрушать моленные, арестовывать наставников. В Балахне житье было повольнее.

В том же доме, где располагалась моленная, приютила Мария Васильевна и нескольких старух-приживалок, не получавших пенсий и живших за счет молений. Незадолго до своей смерти, наступившей несколько лет назад, приняла Марья иноческий постриг от матушки Таифы и стала она называться матерью Манефой. После смерти Манефы христиан приютила в своем доме в Сормове Екатерина Ивановна. С тех пор весь балахнинский приход стал посещать сормовскую моленную. Собираются у Екатерины Ивановны спасовцы со всего Нижнего Новгорода, Сормова, приезжают из Городца, Дзержинска, Кстова, из-за Волги... Екатерина Ивановна с помощью своей дочери Таисии справно «держит» моленную. Молящихся всегда накормят обедом, после службы уложат отдыхать. Активно помогают они наставнику прихода Петру Карловичу вести службу, поддерживая, таким образом, очаг христианской жизни в нашем суетливом городе. Дай Бог здравия и долгих лет жизни «держателям» моленной и всему сормовскому приходу!

Сергей РУДАКОВ.

Старая моленная деревни Филипповское

Деревня Филипповское Борского района издавна населена была старообрядцами — беспоповцами Спасова согласия. Еще в начале нынешнего века Константин Петрович Леухин совместно с жителем соседней деревни Белкино Терентием Буйловым организовал в задней горнице своего дома (построенного отцом Константина Петром в 1857 году) моленную. Народу собиралось на моления очень много, приходили христиане и из соседних деревень Кантауровья. Константин Петрович, по словам своих односельчан, отличался необыкновенной душевностью, принимал на ночлег всех нищих, проходивших через деревню, укладывая их на широченные лавки своей избы. После моления непременно кормил молельщиков обедом. В то же время Константин Петрович придерживался правил, не миршился. Дочери его — Вера и Прасковея — обучались соборной службе в келиях деревни Песочной, что возле Семенова — старинном центре Спасова согласия, в котором проходили обучение у живших там инокинь многие будущие уставщицы.

В 1944 году на Введенье за чтением Евангелия Константину Петровичу внезапно стало плохо, и вскоре он скончался, имея жительства 74 года. После его смерти службу стала вести Вера Константиновна. Молились зачастую по «тайне», опасаясь репрессий со стороны властей. Так «тянули» службу до 1991 года, после чего старый дом, так долго привечавший христиан, опустел.

Хотя ныне и собираются спасовцы на моления по праздникам, но уже в другом доме, где ведут службу внучки Константина Петровича — Анна и Мария Севастьяновны. А дом, украшенный уникальной глухой «корабельной» избой, потемневший от времени, стоит сурово посреди деревни, погруженный в свои воспоминания о былом благочестии, царившем в нем, о слаженном пении песоченских учениц, о людях в нем бывавших...

Сергей НОГАЕВ.

Владимир Хворостухин — кандидат в Государственную Думу России

Владимир Иванович Хворостухин родился 8 марта 1955 года в п. Ситники Борского района. Свой трудовой путь начинал учеником слесаря. После службы в армии работал в правоохранительных органах. Ныне он заведующий юридической консультацией Нижегородского района. Женат. Двое детей.

Владимир происходит из рода коренных старообрядцев и для него старая вера не пустой звук. Много сил приложил Хворостухин для того, чтобы началось восстановление старообрядческой церкви в деревне Филипповское. Благодаря его усилиям ныне у храма воссоздан центральный купол, к церкви проложена асфальтированная дорога, закуплены стройматериалы для дальнейших реставрационных работ. Владимир Хворостухин — член попечительского совета филипповской церкви.

Свою задачу в качестве депутата Госдумы В. Хворостухин видит в одном — приложить максимум усилий, чтобы создать достойные условия жизни для наших пенсионеров, служащих, всех трудящихся, ныне оказавшихся на грани нищеты.

Святые мощи на... дачном участке

Еще в начале нашего века неподалеку от деревни Хвостиково Семеновского уезда под сенью столетних елей возвышалась часовня, рядом было старинное кладбище. В часовне покоились мощи одного из основателей старообрядчества в керженских лесах инока Арсения, почитаемого окрестными староверами за святого.

«Когда воевода Мещерин обложил осадою Соловецкий монастырь, старец схимник Арсений дни и ночи проводил в молитве перед иконою Казанской Божьей Матери. Накануне взятия обители Арсений истомился на молитве и задремал. Будучи во сне, вдруг услышал он глас от иконы: «Гряди за мною, и где я остановлюсь, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древлее благочестие будет в ней процветать». И увидел Арсений, что икона Богоматери в выспрь поднялась и в небесной высоте исчезла... Проснулся инок — иконы на месте не было. В тот же день обитель Зосима и Савватия была взята штурмом царскими воинами. Но Арсению удалось бежать в ближайший лес. Только он вступил в него, перед ним явилась та самая икона. Она неслась по воздуху, а инок Арсений шел за нею изумленный. Перед ним леса расступаются, болота высыхают, невидимая сила разбрасывает валежник. Идет да идет старец за иконою и приходит в леса черноременские, на урочище Шарпан. И поставил Арсений тут скит Шарпанский.

Лишь только разнеслась молва по Семеновскому уезду, что в пустынной глуши, в чаще лесной появился подвижник - старец из знаменитого Соловецкого монастыря, как со всех сторон устремились сюда старообрядцы. За этим скитом быстро стали расти и другие скиты. Лес оживился. Пустыня процвела, яко крин».

Так гласит предание. История свидетельствует: в 1676 году в долину реки Санохты пришли семь монахов из разоренного Соловецкого монастыря, среди которых был Арсений, и стали ставить в долине свои скиты, отчего место получило название «семибратская долина». Арсений, кроме Шарпанского скита, основал скит недалеко от деревни Хвостиково, где и жил до своей кончины около 1682 года. Арсений признавал «правильными» только тех священников, которые были рукоположены до исправления книг Никоном. Когда же перемерли старинные священники, то старообрядцы — последователи Арсения сделались беспоповцами. До середины XVIII века в документах еще встречается упоминание о старообрядцах Арсеньева толка, но впоследствии название это исчезает, ибо последователи его стали называться Спасовым согласием.

Долгое время гробница отца Арсения посещалась старообрядцами. Но заросли тропки народной памяти, затерялась во времени и пространстве святая могила. Лишь этой осенью экспедиция, направленная в Семеновский район Комитетом по охране историко-культурного наследия, почти случайно обнаружила место захоронения Арсения среди дачного массива Горьковской железной дороги. Чудом сохранились крест на могиле соловецкого инока и остатки скитского кладбища.

Необходимо сберечь могилу основателя Спасова согласия, чтобы более чем трехсотлетнее существование этого святого места не прервалось под топором и лопатой садовода.

Сергей АНТОНОВ.

Фото М. Дмитриева (1897 год). Из фонда Государственного архива Нижегородской области. Фоторепродукция А. Трофимова.

Из жизни Древлеправославной Поморской Церкви

Корельский скит и деревня Корельская

Поморье с самых первых лет раскола русской православной церкви служила оплотом христиан, не признавших «новин» Никона. Отсюда распространялась по Руси поморская вера. Сердцем поморского толка был Выгорецкий монастырь, располагавшийся на самой границе Карелии и Архангельской губернии. Не исключено, что переселенцы именно из тех мест и основали скит Корельский, расположенный в глухих лесах южнее Семенова. Известно точно, что иноки Корельского скита приняли в конце XVII века уставы Выгорецкие и находились в тесном общении с поморскими старообрядческими монастырями и общинами. Нижегородский архиепископ Питирим уничтожил почти все скиты в пределах нижегородских. Не избежал этой участи и Корельский скит. Произошло это в конце 1720-х годов. Но с 1763 года скит возродился, вероятно, на том же месте и процветал до первой половины XIX века, когда его совершенно истребил пожар. В середине прошлого столетия Мельников-Печерский застает в этих местах деревню Корельскую (возникла в XVIII веке) и «старинное кладбище под сенью сосен — остатки Анфисиной обители». По некоторым сведениям, в начале XX века скит фактически возродился, но уже в самой деревне, где жили инокини.

Деревня Корельская в начале века была сплошь заселена поморцами. Моленная деревни гремела славой на всю округу. Состояла она из нескольких помещений: сеней, прихожей, летней и зимней моленных. Все стены моленной были в иконах, три паникадила — большое и два поменьше освещали помещение. К праздникам моленную обряжали — мыли полы, начищали медные подсвечники и оклады икон. Сходились к службе все разодетые: женщины в «китаешных» сарафанах, в белых пышных рукавах, мужчины в черных кафтанах. На клиросах стояли певцы числом более 20, на правом — мужчины, на левом — женщины. В конце 30-х годов службу в моленной вел наставник Трифон.

16 мая 1938 года приехал в Корельскую председатель сельсовета, собрал собрание. «Кто за то, чтобы вашу моленную отдать под клуб?» Никто не поднял руки. «Кто — против?» Опять не поднимают — мигом попадешь во «враги народа». Тогда пишем — передали единогласно», — решил председатель.

Федор Моисеевич, начитанный был мужчина. Придя с этого собрания домой, велел жене: «Собери-ка, Марья, вещи-то в котомочки». «А что, Федор?». «Мы отдали моленную под клуб. Хотя нас и много было, но ни один не воспротивился — все побоялись. Нас теперь Господь только огнем от греха очистит».

Прошло три дня. 19 мая был жаркий, душный день. Только народ с поля приехал домой пообедать, как вдруг раздался крик: «Горим!» Полыхал крайний дом. Все бросились с ведрами к нему, но с горящего дома отделился огненный шар и, пролетев по воздуху, опустился посреди деревни на конный двор, а с него полетел дальше и прямо на моленную. Поднялась буря огненная, и видела бабушка Акулина, чей дом стоял недалеко от моленной, как вылетели из окон храма как-будто две пичужки, два голубка, и улетели в небо. Откуда они там взялись? — удивлялись потом корельцы.

В этом огне сгорело все: жилье, житница, амбары, даже колодцы. Все сгорело дотла. Вернулись из леса мужики-«вздымщики», а домов нет. «Не плачь, Марья, — сказал тогда Федор. — Так надо».

Дома вскоре отстроили, а моленную уже не возобновляли — не до того было. Так и молились по домам, а летом — на своем старинном кладбище. И теперь собираются оставшиеся жители деревни по праздникам помолиться к Хионии Ивановне, которая, верная старым заветам, пенсию получать отказывается и живет Божьей помощью. Только вот с каждым годом все меньше и меньше приходит к ней поморцев.

Сергей СМЕТАНИН.

Из старопечатного «Зборника духовныхъ стиховъ»

Никон

Повесть я сию пищу,
Вашей чести приношу,
Про былые времена,
Как коварный Сатана
Злые плевелы насеял,
Ветер тлетворный навеял
В православный русский мир
Преисподний Вампир...
Один бес к ним прилетел,
Он смутить их захотел.
Долго с ними он трудился,
Наконец приуморился.
Он как вихрь закружился
И сквозь земли провалился.
На дне ада в тишине
Бес подходит к Сатане,
На колени падает
И сказать чего не знает...
«Ну, откуда ты явился?»
Бес еще раз поклонился
И немного помолчал.
Говорить он так начал:
«Был я послан в русский мир,
Всех худым делам учил».
«Что же, много совратил?» —
Сатана его спросил.
«Нет, владыко мрачных сил,
Никого я не смутил.
Эти люди точно камень,
У них в сердце горит пламень,
Их распятый научил,
Против нас вооружил.
Я смущал — не поддаются,
Надо мной еще смеются...»
Сатана страшно взбесился
Рот от злобы покосился.
И так грозно зарычал,
Бес со страху пред ним пал.
Зданье ада потряслось,
Эхо всюду разнеслось.
Грозно хлопал он глазами
И ослиными ушами
Поводил...
Страх на беса наводил.
Принатешив свою злобу
Поглядел он из-под лоба.
Дает бесу он наказ:
«Уходи скорей тот час!
Темницы ада обеги,
Всех бесов ко мне зови».
Собралися легионы
Бесов многи миллионы,
Все тут боги и могоги
Кривохвосты, косоноги.
Сатана им всем сказал:
«Вот зачем я вас созвал,
Из Руси вот пришел бес
И такую весть принес:
Что там люди христиане,
Они страшные буяне,
Не хотят нам покориться,
Чтобы в ад переселиться.
Все народы нам подвластны,
А у них труды напрасны.
Всюду ересь мы ввели,
Много в ад приобрели...
Вот почтенное собранье
Открываю я желанье.
Нужно нам приобсудить,
Как там ересь насадить.
Итак, в добрый, братцы, час,
Все почтут за это нас».
Бес один хромой, горбатый,
Сухощавый, рыжеватый
На средину выходил,
Речь такую заводил:
«Правду молвил ты, отец,
Вечно мрачен твой венец,
Что нужно нам приобсудить
Как с российским людом быть.
Так изволил ты сказать:
Нужно ересь насаждать.
Но, смотри, вот я калека
И страдаю уж полвека,
Раз задумал потягаться
И едва пришлось убраться,
Все мне ребра перебрали,
Праву ногу изломали.
С той поры вот все хромаю,
свою участь проклинаю.
К ним бы ты, отец, явился,
Так с позору б удавился.
Ересь трудно там вводить,
Я не знаю, как и быть...»
Хромой речь свою сказал
И к сторонке мирно стал.
Все тут демоны зашумели,
Как в ночную пору ели,
Иль как пьяная ватага,
Принапившись в праздник браги...
Поднялось тако волненье,
Точно аду преставленье.
Ужас просто, как галдели
Себе сами надоели...
И пришли все к заключенью
Чтоб избрать по назначенью
Себе помощник из людей...
Советом доволен был злодей,
Что так мудро рассудили,
Акт важнейший порешили,
Шум утих и тишина.
Говорит им Сатана:
«Теперь вот в чем, братцы, дело.
Кого избрать бы нам умело!
Чтоб достоин чести был
И нам другом вечно слыл».
И опять все взволновались
И кричать не унимались.
Вопрос важный обсуждали,
Кандидатов назначали...
Жребий пал. Определили,
Властью адской наделили.
Не богатой хоть породы,
Но зато большебородый.
И мордвином он родился,
Но в помощники годился.
Это Никон патриарх,
Земли русской иерарх.
Вельзевуль зовет кривого
Беса хитрого и злого
И дает ему наказ:
«Со вниманьем слушай нас,
На поверхность выходи,
В царство русское лети,
Там избранника поздравь
Уму –разуму наставь.
Чего нужно, чай, понял».
И наверх всем указал:
«Довольно, братцы, отправляйтесь,
Каждый делом занимайтесь...»

(Окончание в следующем номере).

Новый центр поморцев в Нижнем Новгороде

Два храма поморской церкви ранее существовало в Нижнем Новгороде. Оба в 1937 году оказались закрытыми, их настоятели были репрессированы и вскоре они погибли мученической смертью. Только осенью 1993 года хлопотами руководства Нижегородской поморской общины (Анны Александровны Шибаевой, Марии Вячеславовны Бородавкиной и Евгения Кирилловича Зернова) в собственность христиан властями была передана церковь Трех Святителей, расположенная в центре города на улице Короленко (за зданием областного УВД). Увы, храм находится в полуразрушенном состоянии и в ближайшие годы вряд ли сможет принять молящихся. К счастью, вместе с храмом удалось приобрести во владение дом, находящийся по соседству, для устройства в нем моленной.

Ныне работы по обустройству дома близятся к завершению, и скоро моленная будет подготовлена для совершения в ней богослужений. В ней будут совершаться панихиды, крещения и т. д. В доме предусмотрены помещения под кухню — трапезную, для ночлега приезжих. Моленная широко распахнет свои двери для всех христиан-поморцев нашей области.

Анна ШИБАЕВА.

Типография ГИПП «Нижполиграф».
Тираж 3000 экземпляров.
Подписано в печать 27 ноября 1995 г.
Заказ № 12082.

Газета выходит с декабря 1995 года.
«Старообрядец» — ежемесячное иллюстрированное издание.
Газета зарегистрирована в Поволжском региональном управлении по защите свободы печати.

Редактор Сергей Рудаков.
Адрес редакции (временный):
Н. Новгород, пр. Кораблестроителей, дом 26, корп. 2, кв. 31. Тел. 26-34-19.
Фотоиллюстрации номера Сергея Лотырева.